

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРБИНИНОЙ —
МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ОСТРОСЮЖЕТНЫХ РОМАНОВ,
В КОТОРЫХ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ,
ИНТРИГАМ И ТАЙНАМ:

**Сериал «Амалия —
секретный агент императора»:**

● ● ●

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Драма в кукольном доме
Убежище чужих тайн
Письма императора
Зеркало сновидений
Статский советник по делам обольщения
Чародейка из страны бурь
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званый ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
История одного замужества
Эхо возмездия
Миллион в воздухе
Вуаль из солнечных лучей
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции

Девушка с синими гортензиями
Аквамариновое танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

● ● ●

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает
Тайны Баден-Бадена

Сериал «Адьютанты удачи»:

● ● ●

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

● ● ●

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦЫНА

СИНЕЕ
НА ЗОЛОТОМ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Вербинина, Валерия.
В31 Синее на золотом : роман / Валерия Вербинина. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-094186-5

Амелия была даже незнакома со своим женихом, виконтом Оливье де Вильмореном, — об их браке договорились родители. Молодая женщина, как раз ехала к нему через охваченную смутой Францию, когда едва не стала жертвой разбойников. Спас ее таинственный незнакомец Луи, солдат Французской революции. Судьба свела их, подарив краткие мгновения счастья, и сразу же разлучила... Прибыв в замок жениха, Амелия обнаружила, что виконт и его друзья — заговорщики, которые стремятся свергнуть власть республиканцев. Амелии ничего не оставалось, как присоединиться к ним. Так она и Луи оказались по разные стороны баррикады. Может, это поможет ей справиться с внезапно вспыхнувшим чувством к нему?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094186-5

© Вербинина В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ПРОЛОГ

— Шагай!

Он получил такой толчок в спину, что едва не упал, но в последний момент удержался на ногах. Из раны надо лбом текла кровь, левое плечо, которое задел удар палаша, болезненно отзывалось на каждое движение.

— Пошевеливайся, ты!

Ступеньки, ступеньки — их было всего десять или двенадцать, но измученному сознанию казалось, что лестница никогда не кончится.

— Вперед!

Дверь протестующе взвизгнула, поворачиваясь на петлях, и на пленника наплыла мягкая волна жара. В камине полыхал огонь, бросая отсветы на настенные часы с маятником, стол, заваленный бумагами, и сидящего за ним человека, который запечатывал какое-то письмо. Возле стола вытянулся офицер в синей форме.

— В Париж, и как можно скорее, — сказал сидящий, протягивая письмо офицеру.

Тот отдал честь и проследовал к выходу. Генерал перевел взгляд на конвоира.

— Вот, гражданин генерал... Привел, как вы велели. Это их командир.

Генерал зевнул и откинулся на спинку стула. Чувствовалось, что день был долгим, и даже этот человек, слишком молодой для своего звания, смертельно устал.

— Вам известно, что по закону каждый эмигрант, захваченный с оружием в руках, должен быть расстрелян на месте?

— Я не эмигрант, — холодно возразил пленник, вытирая кровь с лица. — Никогда не имел чести жить в вашей стране. И надеюсь, что не буду иметь, — глумливо прибавил он.

— Кто вы такой?

— Август-Станислав-Морис Браницкий. Польский дворянин.

...Он собрал все свои силы, чтобы не упасть, но потеря крови все же давала о себе знать, и он пошатнулся. Генерал вздохнул.

— Сядьте... Вы отлично говорите по-французски, польский дворянин.

— Я получил хорошее образование в отличие от некоторых, — задорно отозвался тот, опускаясь на ближайший стул.

— У вас есть какие-нибудь документы, подтверждающие вашу личность? — Похоже, француз решил игнорировать насмешки.

— Мое честное слово, — с готовностью ответил Браницкий.

Генерал пожал плечами.

— Для меня оно ничего не значит.

— О да, мне известно, что для сброда ничто не имеет значения, — уронил поляк.

Но собеседник, как оказалось, умел держать удар.

— Сколько раз я слышал эти слова: сброд, голоштанники, республиканская сволочь... Но если мы такие жалкие и никчемные, почему же мы все время бьем вас, высокородных и блестящих? А?

На это возразить было нечего. Поляк отвел глаза.

— Кроме того, — добавил генерал, — я не понимаю, что имеет против французов человек из страны, которую соседи раз за разом делят, как какой-нибудь огород. — Браницкий вспыхнул и стиснул челюсти. — Может, вам лучше было бы сражаться за вашу родину и с совсем другими врагами?

Пленник молчал. Дверь распахнулась, и, звеня шпорами, в комнату ввалился высокий адъютант в помятом мундире, который явно был ему маловат.

— В чем дело, Франсуа?

— Да, в общем-то, ни в чем, мой генерал¹, — усмехнулся адъютант. — Мы обыскали труп его денщика, думали, может, найдем какие бумаги, но...

Браницкий сорвался с места, но конвоир, не упускавший ни единого его движения, тотчас же оказался рядом и заставил сесть.

— Он мертв? — хрипло спросил пленник.

— Она, она, — адъютант ухмыльнулся еще шире. — Можно подумать, ты не знал, что это переодетая баба. Ни в жизнь не поверю!

Поляк глянул с ненавистью.

— Господин генерал, — с мольбой, неожиданной для гордеца, вдруг проговорил он, — заклинаю вас всем, что вам дорого... как офицер... как мужчина... — Он собирался сказать еще что-то, но генерал прервал его.

— Похороните тела, — велел он. — И женщину тоже.

— Слушаюсь, — сказал адъютант почтительно. — На сегодня еще будут распоряжения?

— Пока нет, — ответил генерал, и адъютант удалился, шаркая ногами. Вслед за ним комнату покинул конвоир, которого генерал отослал следить за погребением.

— Благодарю вас, — сказал Браницкий генералу. — Эта несчастная женщина заслужила гораздо больше, чем я мог ей дать. Она погибла из-за меня.

— Ваша жена?

— Нет. Моя жена далеко.

Генерал поморщился и потер пальцами веки. Часы нежно прозвенели половину и умолкли.

— Вы не эмигрант, не австриец, не пруссак. Зачем вы вообще пошли на войну? — внезапно спросил он.

— Чтобы оказаться от жены еще дальше, — со смешком ответил Браницкий. — К сожалению, поблизости была только одна армия, в которую я мог вступить. Если бы у меня был выбор, не исключено, что я предпочел бы

¹ Во французской армии при обращении к старшим офицерам принято добавлять «мой».

вашу. Мне нравятся армии, где можно стать генералом в двадцать лет.

— В двадцать пять, — поправил его собеседник.

— В самом деле? — притворно изумился пленник. — Можно узнать, что вы для этого сделали?

— Можно. Я бил врага везде, где его встречал.

Он был непрост, этот молодой человек с утомленным лицом; совсем непрост, подумал Браницкий, вытирая кровь с виска. Рана под волосами надсадно ныла.

— Значит, у республиканской армии большое будущее.

Он пытался говорить с сарказмом, но сам понимал, что этот сарказм выглядит нелепо. И все же ему не хотелось позволить какому-то выскочке, наверняка бывшему лейтенанту, если вообще не сапожнику, взять над собой верх.

— Похоже на то, — сказал генерал в ответ на его слова. — Можно узнать, зачем вы напали на моих людей? Чей приказ выполняли?

Браницкий улыбнулся.

— Ничей, — ответил он. — Я хотел... Впрочем, это уже неважно.

— Вы пытались отбить пленных, — напомнил генерал. — Восемь моих людей были убиты. Надеюсь, вы понимаете, что это значит... для вас.

Поляк вскинул голову.

— Меня расстреляют? Или вы возите с собой для таких случаев эту вашу омерзительную гильотину, чтобы не тратить пули? Лично я предпочел бы пулю.

— Можете не беспокоиться, гражданин, — усмехнулся генерал. — Вас расстреляют. — Он взял какую-то бумагу со своего стола и принялся просматривать ее. — Сегодня не день святого Ремакля, так что помилования не будет, гражданин Браницкий.

Пораженный его тоном, пленник уставился на француза во все глаза.

...Неожиданно Браницкий вспомнил, где раньше встречал своего собеседника. То-то, когда его втолкнули в комнату, ему показалось, что он уже где-то видел это

лицо... косой шрам с правой стороны лба, задевающий переносицу...

Это было давно, и он, Браницкий, уже успел все забыть. Но его собеседник, судя по всему, не забыл, что и доказывали его слова о малоизвестном святом.

Август Браницкий не принадлежал к людям, которые склонны предаваться сожалениям. Но если бы он мог сейчас вернуться в тот осенний день, когда человек со шрамом впервые возник на его пути, можно не сомневаться, что Браницкий поступил бы с ним совсем иначе. Да, он бы обошелся с ним по всей строгости закона и уж точно не стал бы поддаваться на уговоры сердобольной кузины Амелии...

Ах, кузина Амелия, где же ты теперь?

Полено в камине ярко вспыхнуло и рассыпалось снопом оранжевых искр. Маятник невозмутимо постукивал, качаясь из стороны в сторону, и Браницкий с трудом заставил себя оторвать от него взгляд.

— Да, сегодня не день святого Ремакля, — сказал он.

ЧАСТЬ I

ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ

ГЛАВА 1

3 сентября в девятом часу утра шустрая серенькая мышка вылезла из норки и принялась обследовать комнату в доме почтенного верденского гражданина Конталье, которую давно уже привыкла считать своей вотчиной. Последние несколько дней за пределами дома творилась какая-то шумная чепуха. По улице с ржанием проносились лошади, проезжали телеги с ранеными, и где-то то и дело грохотали пушки, от выстрелов сотрясались стены. Но чепуха кончилась так же внезапно, как и началась, пушки умолкли, но зато вчера на улице еще громче кричали «ура» и пускали фейерверки. Сегодня все стихло, и мышь решила, что можно безбоязненно отправиться на поиски съестного. За предыдущие дни ей удалось только перехватить пару кусочков сыра да корочку хлеба.

По шнуру портьеры мышь забралась на стол, обнюхала лайковые перчатки, покосилась на огарок свечки неподалеку и почти решила заняться перчатками, когда в нос ей повеял райский, волшебный аромат. То был запах ванильного крема, миндаля и нежнейшего заварного теста, который источало пирожное, лежащее на маленькой тарелке. Усики мыши затрепетали, она испустила радостный писк и, ничего не видя вокруг, засеменила к вожделенному лакомству, проворно перебирая лапками.

В следующее мгновение в нее полетел увесистый том «Галльских войн».

Очевидно, труд великого Цезаря перенял кровожадные замашки своего автора, хотя, возможно, виною всему были пространные комментарии, занимавшие добрых три четверти книги. Так или иначе, запущенный чьей-то рукой том смел со стола тарелку вместе с пирожным, разметал бумаги, перевернул огарок, опрокинул чернильницу и с громким стуком упал на пол. Мышь сдавленно пискнула и заметалась, но затем соскочила на пол и бросилась бежать.

— Черт подери! — заорал чей-то голос.

За дверями загрохотали шаги, забренчали сабли, и в комнату ворвался плечистый белокурый адъютант с румянцем во всю щеку.

— Что случилось, ваша светлость? Мы слышали страшный шум! В вас стреляли? Вы целы?

Его светлость герцог Брауншвейгский поднялся с кровати, на которой спал одетым, и вперил в адъютанта раздраженный взор.

— Никто в меня не стрелял! Эта чертова мышь... о! — Он застонал и схватился за щеку. Адъютант меж тем подобрал с пола книгу, у которой начал отходить переплет. — Ненавижу латынь, — сварливо промолвил герцог, по-прежнему держась за щеку. Это было правдой — когда у него болели зубы, он ненавидел все на свете. — Сколько я спал?

— Два с половиной часа, ваша светлость. — Адъютант вернул огарок на место, поставил на стол тарелку, расколовшуюся на две части, и водрузил на нее перепачканное пылью пирожное. Все эти манипуляции он проделал с таким видом, словно важнее их не было ничего на свете.

— Уберите, — злобно дернув ртом, приказал герцог. — Все равно я не смогу ничего есть сегодня... В городе все спокойно?

— О да, ваша светлость. Местные жители счастливы, что их больше не обстреливают из пушек. Они вполне дружелюбны и не доставляют нашим войскам никаких хлопот.

На дворе стоял 1792 год. Минуло всего три года с тех пор, как пала Бастилия, этот ненавистный символ старого режима, оказавшийся на поверку всего лишь обветшавшей крепостью с несколькими безумцами внутри. Сколько иллюзий породили эти первые, самые славные дни Французской революции! Сколько речей было произнесено, одна красноречивее другой, о свободе, равенстве и братстве! Сколько людей поверили в то, что теперь, вот прямо сейчас, наступит новая жизнь и она будет гораздо лучше прежней!

А потом наступило пробуждение, и оказалось, что новая жизнь многим задаром не нужна, а кое-кого попросту пугает. Свобода не прельщает того, кто и при старом режиме чувствовал себя вольготней всех, равенство не нужно тому, кто в глубине души считает себя выше прочих, а уж браться с чумазыми голоштанниками, мелкими лавочниками и дурно пахнущими пролетариями — это вообще моветон, хуже которого не придумаешь. Самые предусмотрительные решили переждать грозу где-нибудь в безопасном месте, и в Англию, в Швейцарию, в германские государства потянулись родовитые аристократы и их любовницы, братья короля и принцы крови. Не может быть, говорили они себе, чтобы эта революция продолжалась долго; все скоро кончится, лавочникам и прочему сброду укажут на место, можно будет вернуться домой и вновь закатывать балы и веселиться как прежде.

Однако время шло, а гроза не то что не утихала, а разрасталась все шире, и в Кобленце, в Лондоне, в Женеве эмигранты с удивлением узнавали о все новых и новых реформах голоштанного правительства. Королевство для удобства управления поделили на департаменты вместо исторических провинций — глупость несусветная! Отменили титулы, упразднили даже обращение «господин», заменив его каким-то диким «гражданин»! Уничтожили церковную десятину и мало того — отобрали церковные земли, которые перепродали лавочникам! Выпустили бумажные деньги вместо золотых, завели какие-то дурацкие праздники, вместо белого королевского знамени предписали новое, трехцветное, сине-бело-красное...

Сердца эмигрантов обливались кровью. Они наполнились ненавистью, когда правительство постановило конфисковать имущество бежавших за границу и продать его с молотка. Проклятые голоштанники зашли слишком далеко, и, раз король уже не мог их образумить, оставалось надеяться только на иностранные силы, которые приведут в чувство зарвавшихся лавочников.

А король...

Есть какая-то страшная закономерность в том, что в переломные моменты истории во главе государств непременно оказываются люди, менее всего способные управлять происходящими событиями. Людовик XVI был хорошим семьянином, обладал уравновешенным характером и, в общем, слыл неплохим человеком, но все эти качества, похвальные для частного лица, мало чем могли помочь ему как правителю. Он по-прежнему считался главой государства, имел право назначать и смещать министров, но власть ускользала у него из рук, и, что бы он ни делал, гроза продолжала бушевать. К тому же он совершил много ошибок, отстаивая свои права, но дороже всего ему обошлась неудавшаяся попытка бегства за границу. Отныне все было кончено: народ понял, что король боится его, а сам он уже не мог доверять своему правителю. Видя, что его обложили со всех сторон, Людовик решился на крайнюю меру — тайком призвал на помощь иностранные войска.

Самые проницательные европейские государи, обеспокоенные развитием событий во Франции, уже давно твердили о том, что пора положить конец произволу черни, не то революционная зараза может перекинуться и на их благополучные дома. Однако слова — это одно, а способными на действия оказались лишь двое: австрийский император, брат французской королевы Марии-Антуанетты, и его союзник — прусский король. К ним присоединился принц Конде со своим корпусом, набранным из эмигрантов, так что в распоряжении коалиции оказалась внушительная армия в 74 тысячи человек. Главнокомандующим был назначен герцог Брауншвейгский, старый военный с безупречной репутацией. Своей целью прус-

ский король и австрийский император провозгласили возвращение Людовика на трон предков и восстановление во Франции законного порядка. Порядок мыслился примерно таким образом: мир — крестьянам, замки — аристократам, а приверженцев свободы, равенства и братства — на фонари, где им самое место.

Если бы союзники думали только так, то ничего страшного бы не случилось; но, на свою беду, они пошли на поводу у жаждущих отмщения роялистов и выпустили манифест, в котором герцог Брауншвейгский заявил, что сотрет Париж с лица земли, если с королевской семьей что-то случится. Манифест дошел до Парижа и вызвал там невиданное возмущение, итогом которого стало окончательное низложение короля и заключение его вместе с семьей в тюрьму Тамплъ. Таким образом, начало кампании нельзя было считать слишком удачным. Но вскоре оно с лихвой было возмещено военными победами. Как выяснилось, армия поборников свободы никуда не годилась. Французские войска отступали, офицеры-дворяне переходили на сторону врага, солдаты дезертировали толпами. Словом, все, решительно все обещало союзникам стремительный успех.

Арденнская армия под командованием генерала Дюмурье, последняя, на которую надеялись мятежники, была вынуждена отступить, но теперь даже новость о ее окончательном разгроме вряд ли обрадовала бы герцога. Он чувствовал себя старым, больным и несчастным. Вдобавок ко всему у него начала ныть простреленная когда-то нога, а это означало, что погода вскоре ухудшится. Он с отвращением поглядел на пышущее здоровьем лицо адъютанта и отвернулся, поудобнее прилаживая съехавший набок парик.

— Какие новости, Людвиг?

— Новости, ваша светлость? К полковнику Браницкому приехала какая-то дама.

— Вы иногда поражаете меня, Людвиг, — забурчал герцог, которому наконец удалось надеть парик как следует. — Я вас спрашиваю о военных действиях, об этом

прохвосте Дюмуре, а вы мне о какой-то даме. Кто она такая, кстати?

— Она говорит, что родственница, — объявил Людвиг. — Но сестер у него нет, так что... гм!

И он со значением покосился на главнокомандующего.

— Думаете, жена? — проворчал герцог.

— Думаю, это было бы нежелательно, — в некотором замешательстве ответил адъютант. — Я хотел сказать, ваша светлость...

Но его светлость уже вспомнил, что полковника Браницкого — кстати, отличного военного и храброго мало-го — в качестве денщика сопровождала переодетая девица, что отношения, которые были между этой девицей и Браницким, ни для кого в войске не составляли тайны и что появление жены, пусть даже сто раз законной, вряд ли могло обрадовать ее мужа.

— Я надеюсь, вы были почтительны с этой дамой? — спросил герцог. — Указали ей, к примеру, хорошую гостиницу и сообщили, что полковник уехал куда-нибудь... по делам?

Адъютант приосанился и выпятил грудь.

— Она не захотела ехать в гостиницу. Сказала, что очень торопится и ей надо только передать полковнику кое-какие письма.

— Понятно, — вздохнул герцог. — А где он сам, кстати?

— Должен быть у себя, ваша светлость, если только...

— Георг! — крикнул герцог. В дверях показался старый слуга с узким, желтоватым лицом, на котором было написано кислое недовольство. — Сходи-ка к полковнику Браницкому да предупреди его, что его ищет некая особа, возможно, жена... а возможно, и нет, — добавил герцог, поворачиваясь к адъютанту. — В конце концов, может быть, она всего лишь его любовница.

— Она сказала, что он ей просто родственник, — объявил Людвиг. — Но кто станет ради просто родственника приезжать в действующую армию? Поэтому я сразу же заподозрил неладное, ваша светлость.

— Молодец, Людвиг, хвалю, — одобрил герцог, поправляя манжету. — Сообразительность никогда не по-